

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Рябушкина С. В.¹

¹ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова», Ульяновск, Россия (432700, г. Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 4), e-mail: svetigor@bk.ru

Собирательные числительные обозначают определенное количество предметов как совокупность и отличаются избирательной сочетаемостью с существительными. В современном русском литературном языке они представляют собой малочисленную, в пределах первого десятка, лексическую группу, причем активно используются только собирательные до *семеро*, что подтверждается данными Национального корпуса русского языка. Частотность зависит от стилистики текста и несколько отличается в различных корпусах (приводится статистика по Основному, Газетному, Поэтическому и Устному корпусу). В речи встречаются собирательные числительные для больших количеств, как реализация словообразовательного потенциала нумеральной системы (*одинадцатеро*, *двенадцатеро*, *двадцатеро* и проч.); их использование стилистически маркировано. Расширение сочетаемости собирательных числительных или нарушение правил их референции также провоцирует тот или иной стилистический эффект, в частности этот прием применяется при персонификации, при создании художественного образа (рассматриваются сочетания собирательных с названиями животных и контексты, обозначающие неодушевленные предметы).

Ключевые слова: имя числительное, стилистика, синтагматика, персональность, активные процессы в русском языке.

THE STYLISTIC POTENTIAL OF RUSSIAN COLLECTIVE NUMERALS

Ryabushkina S. V.¹

¹Ilya Ulyanov State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russia (432700, Russia, Ulyanovsk, pl. 100-letiya V. I. Lenina, 4), e-mail: svetigor@bk.ru

Collective numerals denote a definite number of collective objects and are characterized by restricted combinability with nouns. In modern Russian literary language they are a small number of lexical units, within the first tens, where only the numerals up to seven (*semero*) are in active use, as confirmed by The Russian National Corpus. The frequency depends on the style differing in different corpora (the statistics are given according to the Main Corpus, Corpus of the Contemporary Russian Press, Poetry Corpus, Corpus of Spoken Russian). Speech yields collective numerals for larger numbers as a realization of the word-building potential of the numeral system (*odinnadtsatero*, *dvenadtsatero*, *dvadtsatero*, etc.); their usage is stylistically marked. Wider combinability of collective numerals or the violation of combinability also provokes stylistic effects, in particular, in cases of personification, for aesthetic purposes (examples deal with combinations of collective numerals with animals as well as the contexts with inanimate objects).

Keywords: the Numeral, stylistics, syntagmatics, category of person, active processes in Modern Russian.

Собирательные числительные (далее СЧ) – это чрезвычайно малочисленная группа имен, включающая, согласно требованиям кодифицированной нормы, всего девять суффиксальных производных на базе количественных числительных первого десятка. СЧ обозначают определенное количество предметов как совокупность и отличаются избирательной сочетаемостью с существительными, которая отражается в другом названии СЧ – лично-количественные, или лично-мужские. Слово *оба*, которое также принято относить к СЧ, корректнее было бы назвать местоименно-количественным словом, поскольку, обозначая количество, оно отсылает к названным ранее предметам: *оба* – это 'все

два', 'и тот и другой вместе'. Использование СЧ в речи может давать определенные стилистические эффекты, некоторые из них далее будут рассмотрены подробнее.

Хотя языковой стандарт допускает в литературный язык СЧ от *двое* до *десятеро*, но «при прочих равных условиях, лично-количественные *восьмеро*, *девятеро* и *десятеро* нежелательны» [3, с. 379]. И это наблюдение можно подтвердить данными Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ): почти половина употреблений СЧ приходится на *двое*, чуть меньше трети – на *трое*, а далее частотность резко падает. На *Рис. 1* представлена статистика употреблений СЧ по четырем корпусам НКРЯ: Основному, Газетному, Поэтическому и Устному (учитывалась «чистая» представленность лексем, используемых и в нумеральном значении, и в качестве субстантивата).

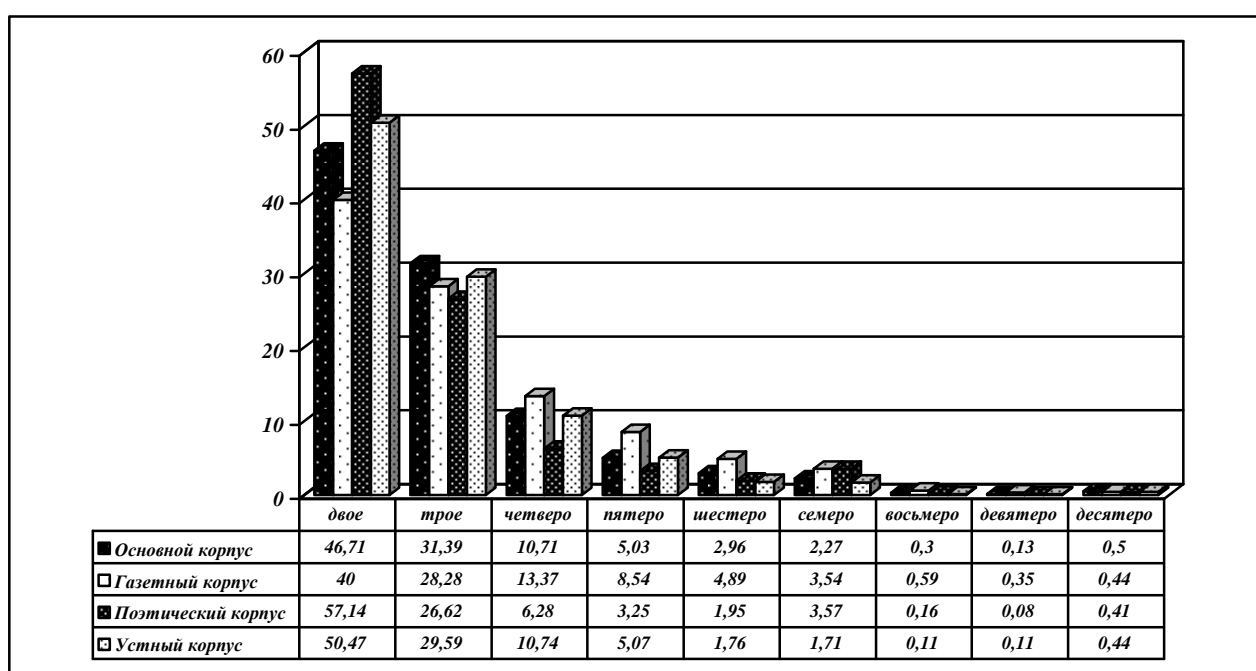

Рис. 1. Соотносительная употребительность собирательных числительных в корпусах НКРЯ (в процентах от общего количества употреблений)

«Кривая падения» частотности СЧ в разных корпусах сходна, но есть отличия, связанные с жанрово-стилистическими особенностями представленных в разных корпусах текстов. Так, СЧ *двое* наиболее частотно в Поэтическом корпусе (57,14 % от общего количества собирательных), что связано со спецификой лирического мировосприятия. СЧ *четверо*, *пятеро* и *шестеро* оказываются немного более востребованными (на 2,5 – 5 % чаще, чем в других корпусах) в газетных текстах, с их установкой на информативность, в том числе и на конкретность и однозначность количественных характеристик. СЧ *семеро* несколько чаще (на 1 – 2 %) встречается в Газетном и Поэтическом корпусах, что, как показывает обращение к выборке, связано с культурной маркированностью числа '7' и с популярностью прецедентных текстов. СЧ *восьмеро* и *девятеро* используются крайне редко.

«Круглое» СЧ *десятеро*, вопреки ожиданиям, значительного прироста употреблений не дает: хотя *десять* по частотности среди количественных находится на шестом месте («рейтинг популярности» таков: *два – три – один – пять – четыре – десять – двадцать – шесть – сто...*) [2], на частотность СЧ *десятеро* это свойство почти не влияет.

Системных ограничений на образование СЧ для больших чисел не существует, хотя «они ощущаются просторечными или искусственными» [5, с. 8]. Продолжение ряда СЧ возможно как реализация словообразовательного потенциала нумеральной системы, но русский литературный язык их избегает, что, как представляется, обусловлено также прагмасемантически. СЧ обозначают определенное количество лиц как единое целое: люди объединены в группу общей деятельностью или же группа сформирована по какому-то общему признаку. Цельно-раздельное восприятие совокупности обычно ограничивается «магическим числом» 7 ± 2 , большее же количество будет обозначаться, скорее всего, неопределенно – как 'много'.

Появление в тексте «больших» СЧ обычно стилистически нагружено. Так, они возникают в градационных контекстах: *Сколько же вас. Ну и много же вас. Вас больше меня раз в сто. <...> Сколько же, сколько же вас? Двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро или же вас, уважаемые, одиннадцатеро и двенадцатеро, целая большая стена, широкая курганская стена плача?* (А. Салангин. Слово. <http://radiokurgan.narod.ru/slovo/salagin/puteshestvie/puteshestvie.htm>).

Могут замещать другое СЧ при речевой трансформации прецедентного текста: *Прошедшую 31 мая акцию на Триумфальной можно назвать по-настоящему инновационной. Господа полицейские зачем-то разделили своими телами пешеходный переход на две части...* – и далее следует фотография с места событий с подписью **Одиннадцатеро одного не ждут** (<http://onlife.me/2011/06/innovacionnaya-strategiya-31/>). Или, например, в следующих контекстах: *Когда терпение кончилось, мы решили, что двенадцатеро тринадцатого не ждут и тронулись в путь* (veloservis.ur.ru/p011021_2.htm); *...уж лучше вас двенадцатеро судят, чем, как известно, шестеро несут* (А. Лавринич. <http://www.stihi.ru/2012/07/01/7153>).

«Большие» СЧ используются в целях стилизации «под старину», как, например, в романах Ю. А. Никитина, одного из авторов русского псевдоисторического фэнтези: *Нас было двенадцатеро... А мы, сыны земли, всегда были сильнее богов, сынов неба...* (Трое из леса в песках); *Их было двенадцатеро, но со мной мой длинный меч, я ехал на коне-звере, а руки у меня никогда не устанут рубить супротивника!..* (Княжий пир); *Уже не один слабый, а двенадцатеро. Придется убивать уже двенадцать детенышей...* (Куявия).

В Основном корпусе НКРЯ обнаружены *шестнадцатеро*, *восемнадцатеро*, *двадцатеро*, и все употребления этих СЧ стилистически маркированы, как речевая характеристика персонажа. Во-первых, как просторечие или диалект: *Он [лесничий Антон Некульев. – С.Р.] не говорил о том, что за ним едет еще **шестнадцатеро мастеровых**, чтобы не дать разграбить леса, ибо эти леса играли решающую роль в пароходном движении по Волге, – что дан ему и его **шестнадцатерым** мандат расправляться вплоть до расстрелов (Б. А. Пильняк. Мать сыра-земля); Не много, не много, **восемнадцатеро** всего, **восемнадцатеро**, – говорил за окном, заикаясь и щелкая зубами, очевидно совсем переэзбиший человек (Н. С. Лесков. Запечатленный ангел); Полегла вся наша рота, **Двадцатеро** в степь ушло (Б. А. Лавренев. Сорок первый).* Во-вторых, как детское словотворчество: *И маленькая Лена спрашивает Евдокию: <...> – Столько много детей? <...> Тут одних девочек десятеро или **двадцатеро** (В. Ф. Панова. Евдокия).*

В речи могут появиться даже составные СЧ. Например, такое вынужденное образование: *Первый раз он [«Топаз» – космический аппарат на базе термоэмиссионного ректора-преобразователя. – С. Р.] отработал примерно полгода, второй раз почти год – **триста сорок двое суток** (Горизонты атома. Т/к «Россия–24». 03.08.13). Ученому нужно было указать в интервью точный период времени, а синонимическая замена *сутки* на *день*, позволившая бы употребить составное количественное числительное с формой единственного числа существительного (*триста сорок два дня*), изменила бы смысл высказывания. Возможна также языковая игра: *Я мать **двадцать пятерых** детей (Comedy Club. ТНТ. 06.07.08).**

СЧ сочетаются преимущественно с названиями лиц мужского пола, на что указывал еще М. В. Ломоносов, ограничивая круг имен по статусу лица: «сие употребляется только о людях, и то по большей части низких, ибо неприлично сказать: *трое бояр, двое архиереев*, но: *три боярина, два архиерея*» [1, с. 190]. В современных СМИ синтагматика названий официальных лиц расширяется: *Он пережил **шестерых президентов США и шестерых лидеров СССР и России** (Своя игра. НТВ. 16.06.07); **Трое грузинских дипломатов, объявленных в России персоной нон-грата, уже сегодня могут покинуть страну** (Сейчас. Пятый т/к. 09.11.07); **Путин уволил пятерых генералов российской полиции** (Заголовок статьи: <http://news.mail.ru/politics/10765551/?frommail=1>. 30.10.12).*

Это можно объяснить стилистически: с одной стороны, «разговорность» СЧ постепенно исчезает, а с другой – в целом уменьшается и формальность общественно-политической коммуникации. Сопоставляя разные подзначения существительных-названий лица, Т. Е. Янко дает этой свободной синтагматике семантическое объяснение: сочетания с СЧ обозначают «группу лиц, объединенных по определенному онтологическому признаку»

[6, с. 179], в то время как количественные могут сочетаться с обозначениями человека по функции, званию: «В силу существующего устройства мира низший чин имеет больше шансов концептуализоваться как лицо, а высший – как звание... Низшие чины "человечны", а высшие – отражение номенклатурной деятельности людей» [6, с. 174–175].

Названия взрослых животных в сочетании с СЧ в русской литературной речи неприемлемы (хотя вполне допустимы в украинском и белорусском языке). Но узус постоянно предлагает нам подобные «неправильности», например: *Он не знает страха. Он съедает на завтрак **пятерых быков*** (К/ф «Астерикс и Обеликс на Олимпийских играх», перевод); *Туристы-экстремалы устроили настоящее авторалли у границы заповедника «Столбы». Рев мощных машин разбудил **троих медведей**. Двое ушли в тайгу* (Новости. Первый т/к. 25.10.12); *Эмми содержит на ферме **шестерых львов**, которые бы погибли в саванне* (Т/к «Viasat Nature». 21.02.13). Иногда контекст явно указывает на семантику собирательности – обозначается объединенная совместной деятельностью группа животных: *А ему удалось оседлать **троих львов** и прокатиться на них по арене* (Памяти Вальтера Запашного. Т/к «Россия–К». 01.04.13); *Эта собачья перевозка предназначена для **шестерых собак*** (Планета собак. Т/к «Россия–1». 21.09.13).

Представляется, что такое расширение синтагматики СЧ должно быть обусловлено – например, использоваться при создании художественного образа, при персонификации.

В романе-комиксе Д. Рубиной «Синдикат» «*независимые иерусалимские кошки*» [4, с. 686–687] стали одним из символов Вечного города, наряду с хорошо известными скульптурными львами. Эта тема проходит через весь роман: *легион неустрашимых кошек, которых в изобилии плодит Иерусалим* [с. 16], *По летному полю аэропорта Бен-Гурион, так же, как и по всей стране, свободно разгуливали кошки* [с. 408]. Одна из героинь романа, Рома, «*своей неподотчетностью... напоминает... иерусалимских кошек. Те тоже никого не боятся, ни на кого не оглядываются и идут по своим делам, никого не спросят*» [с. 72]. И в этом контексте фраза «*чем там лакомятся **трое отважных иерусалимских кошек***» [с. 199] звучит вполне органично, даже несмотря на женский род существительного.

Главные герои одной из сказок Митьков – коты – даже названы человеческими именами: *Было **трое котов: Прохор, Харлам и Терентий**. Вместе их связала крепкая мужская дружба, закаленная переменными осадками, ветром, постоянной проголодью и другими вещами, известными всякому, кто жил на крыше или чердаке и дышал вольным воздухом необозримых пространств* (Митьки. Три кота. – НКРЯ).

В повести Г. Владимова «Верный Руслан» рассказана трагическая история караульной собаки. Когда лагерь был закрыт и заключенные освобождены, собаки по привычке продолжали нести свою сторожевую службу, ожидая очередного конвоя: *Десятка два собак*

собрались на платформе тупика, расхаживали по ней или сидели, дружно облаивая проносившиеся поезда; в их голосах явственно слышался изрядной толщины металл. <...> Звери были красивы, были достойны... Пробыв на платформе до темноты и своего не дождавшись, они сгрудились в стаю, дружно сошли наземь и разбрелись по улицам поселка. Повторялось это и в следующие дни, но внимательный наблюдатель мог заметить, что раз от разу собак приходило все меньше и уходили они быстрее, а в металле появилась надтреснутость. Вскоре он и совсем умолк, **пятеро или шестеро собак**, не изменивших своему расписанию, никого уже не облаивали и не обскуливали, лишь покорно отсиживали свои часы. Употребление СЧ здесь также эстетически оправданно, автор создает художественный образ: собаки, воспитанные людьми, ведут себя как люди, «собираются словно бы для каких-то своих совещаний, часто оглядываясь через плечо и не допуская в свой круг посторонних. Своя была у них жизнь, а в чужую они не вторгались».

Художественный прием «очеловечения» животного характерен для детской литературы. Так, сюжет повести В. Медведева «Баранкин, будь человеком!» построен на различных превращениях героев, и в «муравьиных» главах появляются СЧ: *Мы начали было кувыркаться, но тут я заметил, что из леса, то есть из травы, навстречу нам вышло человек шесть муравьев.* <...> – Ты, рыжий, – крикнул я самому здоровому мирмику, – давай один на один! Я тебя вызываю! **Рыжий верзила**, не говоря ни слова, сделал шаг вперед и раздвинул челюсти. Я размахнулся и изо всех сил двинул его сучком по башке. Мирмик покачнулся и, не издав ни звука, молча свалился на землю. Место сбитого моментально без шума заняли **двое рыжих муравьев.**

Названия животных могут использоваться с иной референциальной отнесенностью – для обозначения человека: *Вот тут двое шакалов, бросив корзину, и дунули. Через железные цеховые двери, да по двору, да через проходную... Их никто не пытался ловить. Да и чего двух-то ловить; попались двое, а остальные не попались, только и всего. Колонистов от работы на заводе отставили* (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая. – НКРЯ); *Дербенев, Губарев, у вас вон трое слонов с бревна упали. Марш страховать...* (В. Гулин. Тепурджиди в карантине. – Столица. 1997.07.01. – НКРЯ).

Литературная норма запрещает сочетания СЧ с неодушевленными существительными, за исключением названий парных предметов и имен *pluralia tantum*. Но неодушевленные предметы также могут быть «сосчитаны» с помощью СЧ – если будут обозначены метафорически.

Например, не вызывают стилистического протеста контексты, в которых название лица по деятельности, качеству применяется по отношению к неживому предмету или же субстантивированное СЧ сопоставлено группе неодушевленных предметов: *Из семи*

отобранных нами **аналитических команд пятеро** работают вот каким образом: они дают рекомендации «покупать», если рассчитанная на год вперед справедливая цена акции на 15-20 % выше текущей ее цены (Forbes. 2005. Декабрь. С. 164); **Сейчас лидеров – трое:** «Динамо» (Москва), «Кузбасс» (Кемерово) и красногорский «Зоркий» (Вести–Ульяновск. ГТРК «Волга».14.02.08); **Народное жюри выбрало пятерых претендентов** на звание победителя конкурса. **Это брызга фирм...** (Контрольная закупка. Первый т/к. 03.06.10); **Все эти пять продуктов** содержат большое количество мононенасыщенных жирных кислот. **...все пять продуктов – «ликвидаторов жира»** надолго оставляют чувство сытости. **...мы и будем налегать на пятерых «ликвидаторов жира»** с их мононенасыщенными жирными кислотами (М. Иванова. Диета плоского живота. 29.05.12. <http://lady.mail.ru/article/467318-dieta-ploskogo-zhivota/>). Собственно синтагматика в последних контекстах вполне нормативна, СЧ объединено с существительным, традиционно обозначающим лицо по определенному свойству, действию, но имя употреблено метафорически, с иной референцией.

Обобщим наблюдения. Функционирование СЧ в речи может сопровождаться стилистическими явлениями разного порядка. Во-первых, частота употреблений СЧ в различных текстах может отличаться, в зависимости от тематики текста, стилистических доминант того или иного типа изложения, того или иного жанра. Во-вторых, потенциальные СЧ для больших количеств могут реализоваться в тексте в соответствии с коммуникативными потребностями говорящего или же возникнуть под влиянием контекста; их использование создает тот или иной стилистический эффект. В-третьих, узуальная сочетаемость СЧ значительно богаче той, что предписывается языковым стандартом. Расширение синтагматики возможно при олицетворении, персонификации; такие контексты также стилистически маркированы.

Список литературы

1. Ломоносов М. В. Российская грамматика Михайла Ломоносова / Императорская Академия Наук. – СПб., 1755. – 213 с.
2. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики. – URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_num&title=Частотный список числительных (дата обращения: 20.08.13).
3. Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. – Wien: Wiener Slawistischer Almanach, sdb. 16, 1985. – 509 с.
4. Рубина Д. И. Синдикат: роман-комикс. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.

5. Супрун А. Е. Имя числительное и его изучение в школе. – М.: Учпедгиз, 1964. – 160 с.
6. Янко Т. Е. Русские числительные как классификаторы существительных // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1(3). – С. 168-181.

Рецензенты:

Дырдин А.А., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой филологии, издательского дела и редактирования ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет», г. Ульяновск.

Артамонов В.Н., д.фил.н., доцент, профессор кафедры русского языка, и.о. декана филологического факультета ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова», г. Ульяновск.